

Разговор завершился на неопределенной ноте. Тан Цзинси не стал озвучивать свои догадки: с одной стороны, требовалась научная строгость, с другой — сказывалось человеческое достоинство.

Юй Шилинь прекрасно его понимал. Их связывала такая степень близости, что они понимали друг друга с полуслова. Но все же наставить оружие на ценный, не проявляющий агрессии экспериментальный образец — это нарушение международных соглашений. Дисциплинарного взыскания удалось избежать, однако для вида нужно было что-то предпринять.

Покидая комнату для переговоров, доктор Тан получил неделю отпуска. Официально — для самоанализа, а по факту — чтобы как следует отдохнуть.

Тан Цзинси и сам чувствовал, что переутомился. Те странные сны и видения — были ли они правдой или лишь игрой воображения? Если причину найти не удастся, придется списать все на галлюцинации. Дать мозгу передышку, сбежать от работы и, что важнее, не контактировать с подопытным, проявляющим к нему пугающий интерес, — казалось лучшим выходом.

К тому же, как раз прибыл Юй Лэ, так что работы у него прибавится.

Близился полдень, исследователи базы потянулись на обед. Тан Цзинси, двигаясь против людского потока, вошел в лифт и нажал кнопку минус восемнадцатого этажа, возвращаясь в Центральную лабораторию. Из-за недавнего инцидента здесь было почти пусто, но Чжуцзюэ все еще находился в состоянии глубокого сна, и его нельзя было сразу вернуть в резервуар, поэтому несколько человек дежурили у стола.

Увидев, что куратор вернулся, сотрудники поднялись. Ноно не удержалась и спросила:

— Полковник не стал вас наказывать?

— Взыскания не будет, но мне дали неделю на раздумья, — невозмутимо ответил Тан Цзинси.  
— После обеда я передам дела новому доктору Юй Лэ. Постарайтесь привыкнуть, с завтрашнего дня отдел изучения жизни переходит под его руководство.

Когда он закончил, сотрудники переглянулись. Тан Цзинси помолчал, а затем распорядился:

— Идите обедать, Юй Лэ пусть останется.

— Есть.

Как только исследователи покинули лабораторию, Юй Лэ подошел ближе. Его обычное легкомыслие испарилось, лицо стало серьезным.

— Старший брат, с тобой точно все в порядке?

Необъяснимо, но Тан Цзинси теперь испытывал инстинктивное отторжение к этой лаборатории: стоило войти, как накатывала тяжелая усталость. Он медленно покачал головой, подошел к столу, опустил взгляд на безмятежное лицо Чжуцюэ и спросил:

— Когда отключалось питание, ты правда ничего не почувствовал?

— Нет, — честно ответил Юй Лэ и спросил в ответ: — А ты?

— Я его почувствовал. — Тан Цзинси протянул руку и осторожно убрал прядь волос со лба Чжуцюэ. Его пальцы скользнули по контуру лица, а затем, ухватившись за подбородок, мягко развернули голову к себе. — Не могу сказать точно, но я уверен, что наркоз на него не подействовал. Он все время был в сознании.

Он тут же опроверг сам себя и подытожил:

— Я думаю, он обладает высокоразвитым интеллектом, это не просто животные инстинкты. Он может легко обмануть всех нас, заставив поверить, что он спит.

Юй Лэ нахмурился, не скрывая недоумения:

— Почему ты так решил?

— Потому что это был он. — Голос Тан Цзинси звучал тихо, но уверенно, без тени сомнения. — В этой лаборатории, кроме нас, он был единственным неизвестным фактором. Хотя я не понимаю, как он это сделал... — Он обернулся, глядя на то место, где стоял ранее. — Чжуцюэ явно не двигался, но я отчетливо почувствовал прикосновение. Я уверен, это был он. — Он посмотрел на Юй Лэ. — Точно он!

Юй Лэ промолчал. Аргументы выглядели неубедительно, опирались лишь на субъективные ощущения и не имели доказательств. Он видел записи с камер наблюдения: ночное видение было не идеальным, но все же достаточно четким. Старший брат стоял совсем рядом, и если бы подопытный что-то сделал, как он мог этого не заметить?

В этот момент плавник на конце хвоста слегка дрогнул, веки затрепетали, и глаза медленно открылись. Тан Цзинси не убрал руку, он пристально смотрел в темные, отливающие краснотой глаза, усилил хватку и заставил Чжуцюэ поднять подбородок.

— Ты слышишь меня? — внезапно спросил он. — Я прав или нет?

Чжуцюэ не понимал человеческой речи, но, увидев лицо Тан Цзинси, его глаза ярко вспыхнули. Он попытался приподняться, не обращая внимания на крепкую хватку на челюсти. Силы были неравны, и Тан Цзинси пришлось отпустить его, позволяя получеловеку-полурыбе выпрямиться.

— Старший брат... — Юй Лэ понизил голос, боясь спугнуть существо. — Будь осторожен.

— Не нервничай. — По сравнению с жуткими ощущениями в темноте, сейчас, когда все было на виду, Тан Цзинси чувствовал себя гораздо спокойнее. — Это просто реакция признания матери, не в первый раз.

Чжуцюз уперся руками в край стола, его хвост извивался. Он осторожно поднял голову и попытался потереться о двуногое существо, которое вызывало у него такой живой интерес. Их носы соприкоснулись, Тан Цзинси почувствовал чужое дыхание. Ему не нравилось это холодное, скользкое ощущение, и он инстинктивно попытался отстраниться.

Однако зверь, отличавшийся собственническим характером, не собирался отпускать добычу, которая сама приплыла в руки. Он обхватил доктора сильной рукой и притянул обратно.

Тан Цзинси с каменным лицом смотрел на него, одной рукой нащупывая в кармане запасной шприц с транквилизатором.

Юй Лэ подумал, что старший брат действительно бесстрашен, но не успел он закончить мысль, как бросил взгляд вниз и едва не выронил глаза из орбит.

— Э-э... извините, что прерываю, — откашлялся Юй Лэ. — Мне кажется, это совсем не реакция признания матери.

Тан Цзинси не понял:

— Почему ты так решил?

Юй Лэ потер нос и пробормотал:

— Посмотри вниз.

Тан Цзинси не понял, о чем речь, а из-за слишком близкого расстояния не мог опустить голову, поэтому снова спросил:

— Что случилось?

Юй Лэ, будучи еще молодым и неловким, немного смутился, но решил описать ситуацию максимально объективно:

— У крупных морских млекопитающих в период гона открывается половая щель, вторичные половые признаки становятся очевидны. Старший брат, он воспринимает тебя вовсе не как мать. Если бы вы были в воде, у тебя был бы перелом копчика, причем оскольчатый, плюс разрыв сфинктера.

Тан Цзинси: «...»

Если бы он не понял, о чем речь, то был бы полным идиотом!

Доктор Тан, не теряя времени, вонзил шприц в Чжуцюэ. Затем, не отвлекаясь от дела, достал из ящика сантиметр, ватные палочки и пробирки для образцов, жестом подождав Юй Лэ на помощь.

— Такое происходит впервые, — Тан Цзинси собрал секрет ватной палочкой, запечатал пробирку и передал ее Юй Лэ, после чего принялся тщательно измерять параметры, записывая данные.

Юй Лэ, держа пробирку, оцепенел. Он был поражен! Неужели это нормальная реакция для человека? Старший брат не только не изменился в лице, но и хладнокровно продолжил работу — настоящий извращенец! Собравшись с мыслями, он спросил:

— Раньше образцы такого рода не собирали?

— Не было возможности, так как способ размножения неизвестен, и посмотри... — Тан Цзинси отбросил мешающие детали и, надавив на чешую, серьезно добавил: — Положение этой щели слишком скрытое, она полностью перекрыта чешуей. Я пытался проверить раньше, но чешуя слишком твердая, и открыть ее, не причинив вреда, было невозможно.

Юй Лэ понимающе кивнул:

— Вот оно что. И что теперь делать?

— Что значит, что делать? — Тан Цзинси посмотрел на него как на ненормального.

Юй Лэ замялся и пробормотал:

— Он... он ведь... еще не закончил.

Тан Цзинси замер, а затем невольно рассмеялся:

— О чем ты думаешь целыми днями? Что еще остается делать? Ты хочешь помочь ему закончить?

Юй Лэ: «!!!»

— Нет, я не это имел в виду, старший брат, не выдумывай!

Тан Цзинси, раздраженный и одновременно позабавленный, постучал младшего коллегу по голове, пододвинул стол к краю резервуара и наклонил его. Чжуцюэ с глухим звуком соскользнул в воду. Его бесцеремонно выбросили обратно.

Буль-буль-буль — на поверхность поднялись пузырьки.

Юй Лэ с тоской смотрел на медленно погружающегося «невинного» подопытного, впервые почувствовав жалость к нечеловеческому существу. Он подумал, что тридцать лет одиночества старшего брата — это не шутки. Какая аура, а? Только дразнит, а потом бросает.

Словно почувствовав недоброе, Тан Цзинси, внося данные в отчет, бросил на него взгляд:

— Завтра передай образцы Лу Имину, пусть сравнит с человеческими, посмотрим, есть ли различия.

— Окей, — Юй Лэ потряс пробиркой. — Старший брат, ты правда больше не придешь?

— Разумеется, — ответил Тан Цзинси. — Я год не был в отпуске, работал без выходных, только и ждал, когда ты придешь меня сменить. А ты, закончив учебу, еще полгода тянул кота за хвост.

Юй Лэ: «...»

— Ну старший брат! — Юй Лэ мгновенно включил режим нытика и бросился обнимать его за ноги. — Я не справлюсь! Ваш подопытный такой жестокий, такой длинный и толстый, мне от одного взгляда на него уже плохо становится! Не оставляй меня одного!

Доктор Тан безгласно отряхнул штанины, пытаясь сбросить это недоразумение:

— Повсюду камеры, ты на кого похож? И я не уезжаю навсегда, если что случится — звони по внутренней линии!

Юй Лэ шмыгнул носом и примирительно потерся о него:

— Хорошо, только не делай вид, что не слышишь.

В час дня, после обеда, они разошлись у лифта.

Тан Цзинси взял себе полдня отгула и, закончив передачу дел, поднялся в жилой блок.

В отличие от обычных исследователей, Тан Цзинси, отвечавший за проект «Гигантское яйцо», имел административный ранг, поэтому условия у него были намного лучше. Ему не приходилось жить в подземных бетонных «коробках». Его квартира находилась на шестом этаже — предпоследнем уровне наземной части базы Наньцзян. Из панорамных окон открывался вид на пустыню.

Тан Цзинси подошел к двери, но не успел приложить карту, как изнутри раздался волчий вой,

а затем кто-то начал скрестись в дверь — по звуку было понятно, что этот «кто-то» сейчас разносит квартиру в щепки.

Раздался писк электронного замка, доктор Тан вошел внутрь, и хаски, карауливший у входа, снова завыл, бросившись хозяину на грудь. Он вывалил язык и задышал, глядя на хозяина ярко-голубыми глазами.

Это был питомец доктора Тана, шоколадный хаски по кличке Банни, которому было два с половиной года. Его баловали, он мастерски крушил мебель и чувствовал себя хозяином базы, но дома превращался в плаксу, который любил свернуться калачиком на руках у Тан Цзинси и тихонько скулить.

Говорят, хаски не подходят на роль полицейских собак из-за недостатка интеллекта, но пес доктора Тана пошел в хозяина. За исключением редких моментов, когда у него «отключались» лапы и челюсти, он был весьма умен.

Поэтому, несмотря на то что пес был упитанным, как теленок, доктор Тан дал ему имя Банни.

Поскучав полдня, Банни плакал, как двухсоткилограммовый ребенок. Тан Цзинси, привыкший его баловать, похлопал пса по крупу и закрыл дверь.

В этот момент Банни внезапно поднял морду, его уши встали торчком, как радары, а глаза округлились. Он уставился куда-то за спину хозяина и перестал скулить. Тан Цзинси почувствовал неладное и инстинктивно обернулся. Дверь, которая должна была закрыться, словно наткнулась на препятствие, на секунду замерла, а затем снова распахнулась.

— Продолжение следует.

<http://bllate.org/book/20346/2033312>